

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1-31(Бабель И. Э.). DOI 10.26170/ФК20-03-22. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,4.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08

«...КНИГА – ЭТО ЕСТЬ МИР, ВИДИМЫЙ ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА»

Рецензия на книгу: Погорельская Е.И., Левин С.Х. Исаак Бабель. Жизнеописание.
СПб.: Вита Нова, 2020. 624 с., 175 ил. («Жизнеописания»)

Анпилова Л. Н.

Старый Оскол, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8138-5357>

А н н о т а ц и я . В рецензии на книгу «Исаак Бабель. Жизнеописание» анализируется первая научная биография одного из наиболее ярких прозаиков XX столетия. Оценивается общая концепция труда, отмечается обширная источниковая база и методологическая основательность исследования. Устанавливается, что анализ ключевых событий жизни Бабеля показан в контексте формирования его творческой индивидуальности. Уделяется внимание проблеме нравственного выбора и драматизму писательской судьбы Бабеля. Делается вывод о том, что в книге не просто воссозданы основные вехи биографии писателя и творческая история его произведений, но и прослежена взаимосвязь перипетий судьбы Бабеля со сложнейшими историческими и нравственными коллизиями эпохи.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Исаак Бабель; научная биография; архивные материалы; творческая индивидуальность.

“...A BOOK IS THE WORLD APPREHENSIBLE THROUGH THE PERSON”

Book review: Pogorelskaya E. I., Levin S. H. Isaac Babel. Life description.
SPb.: Vita Nova, 2020. 624 p., 175 ill. (“Life descriptions”)

Larisa N. Anpilova

Stary Oskol, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8138-5357>

A b s t r a c t . The review of the book “Isaac Babel. Life description” analyzes the first scientific biography of one of the brightest writers of the 20th century. The review provides an assessment of the general conception of the work and describes its wide source area and methodological solidity of the approach. It is stated that the analysis of the key events in Babel’s life is carried out in the book in the context of his creative individuality formation. Special attention is paid to the problem of a moral choice and the dramatic nature of the writer’s fate. It is concluded that the book does not only recreate the main landmarks of Babel’s life and the creative history of his literary work but also traces the correlation of the novelist’s biography with most complicated historical events and moral collisions of the epoch.

Key words: Isaac Babel; scientific biography; archival documents; creative individuality.

Анпилова Л. Н. «...Книга – это есть мир, видимый через человека». Рецензия на книгу...

Для цитирования: Анпилова, Л. Н. «...Книга – это есть мир, видимый через человека». Рецензия на книгу: Погорельская Е.И., Левин С.Х. Исаак Бабель. Жизнеописание. СПб.: Вита Нова, 2020. 624 с., 175 ил. («Жизнеописания») / Л. Н. Анпилова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 251–257. – DOI: 10.26170/FK20-03-22.

For citation: Anpilova, L. N. (2020). “...A Book is the world apprehensible through the person”. Book review: Pogorelskaya E.I., Levin S.H. Isaac Babel. Life description. SPb.: Vita Nova, 2020. 624 p., 175 ill. (“Life descriptions”). In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 251–257. DOI: 10.26170/FK20-03-22.

Всякий раз, задумываясь о том, может ли быть увлекательным, захватывающим исследование по истории литературы, я вспоминаю фразу Н. Л. Лейдермана: «Нет ничего плохого в том, что вашу книгу прочитают *нормальные* люди». Думаю, что это замечание в полной мере можно отнести к новой книге Елены Ио-сифовны Погорельской и Стива Хаимовича Левина «Исаак Бабель. Жизнеописание». Вне зависимости от степени знакомства с жизнью и творчеством Бабеля, читателю предстоит эмоциональное погружение в повествование о непростой писательской судьбе одного из наиболее ярких и самобытных прозаиков XX в.

Между тем, это глубокое литературоведческое исследование, явившееся результатом плодотворного сотрудничества и обобщения многолетних трудов двух авторов, внесших значительный вклад в изучение биографии и творческого наследия писателя. Как указано в аннотации к изданию, «эта книга – первое полное научное жизнеописание Исаака Бабеля». Это жанровое определение отлично характеризует многие особенности представляемого научного труда.

В первую очередь, следует отметить богатейшую источниковую базу, на которую опираются авторы книги – это документы центральных и ряда региональных архивов, собранное по крупницам эпистолярное наследие, автобиография и дневник Бабеля, многочисленные личные, общественно-политические, историко-литературные документы. В книге широко используются мемуары современников писателя и близких ему людей (А. Н. Пирожковой, И. Л. Лившица, Д. А. Фурманова, В. Б. Шкловского, К. Г. Паустовского и мн. др.). Авторы книги отличает вдумчивое, аккуратное отношение ко всем свидетель-

ствам, не исключаяющее аберрацию памяти мемуаристов, а также склонность самого Бабеля ко «всякого рода мистификации»¹. Таким образом, несмотря на объективные сложности, и в первую очередь – отсутствие большей части личного архива писателя, изъятого во время ареста и не обнаруженного до сих пор, Е. И. Погорельской и С. Х. Левину удалось собрать обширную и разностороннюю документальную базу, обеспечившую обстоятельное научно-биографическое исследование.

Книга построена по хронологическому принципу, от рождения и до трагической гибели писателя. Каждой главе предшествуют тонкие и точные эпитафии из произведений Бабеля и его современников, которые не просто задают тему и иллюстрируют эпоху, но и выполняют роль эмоционального посредника. Так, например, рассказ о детстве писателя предваряется афоризмом Юрия Олеши: «Чтобы родиться в Одессе, надо быть литератором».

В главе «Детство (1894–1911)» читателю открывается Одесса конца XIX – начала XX вв., с подлинными адресами, документальными свидетельствами. Погружению в эпоху способствует богатейший иллюстративный материал: фотографии из семейного архива, старинные открытки, личные документы (аттестат Исаака Бабеля; письмо Эммануила Бабеля, отца писателя, написанное на бланке его конторы и др.). Фотографии не просто выполняют функцию иллюстраций, но и сами служат предметом анализа, что позволяет дополнить и детализировать документальную картину, сконцентрировав внимание на подробностях.

Ничто не ускользает от взгляда исследователей. Вот один из многочисленных примеров. В рассказе о годах ученичества авторы

¹ Погорельская Е. И., Левин С. Х. Исаак Бабель. Жизнеописание. СПб.: Вита Нова, 2020. С. 65. Далее – ссылки на это издание с указанием страниц в тексте.

ссылаются на сведения из чудом уцелевшей записной книжки четырнадцатилетнего Бабеля. В ней сохранились записи о прочитанных книгах, наброски к сочинениям, в том числе и театральный дневник, в котором Бабель-подросток фиксировал впечатления об увиденных спектаклях. Среди прочих упоминаются два спектакля с участием сицилийского трагика Джованни Грассо. Столь незначительный, на первый взгляд, факт стал предметом тщательного изучения. Авторы не просто рассмотрели преломление юношеских впечатлений Бабеля в одном из его поздних рассказов («Ди Грассо»), но и обнаружили любопытное свидетельство режиссера Валерия Бебутова об использовании Мейерхольдом в биомеханике театрального приема сицилийского актера (того самого, что так впечатлил юного Бабеля). Замечание из юношеского дневника позволило авторам не только проанализировать историю одного из текстов писателя, но и рассмотреть это событие в контексте истории театрального искусства того времени.

Этот исследовательский эпизод отлично характеризует авторскую манеру Погорельской и Левина, позволяющую добиться особой стереоскопичности повествования: отдельные факты биографии писателя рассматриваются в опоре на первоисточники, личный опыт Бабеля соотносится с восприятием тех же событий глазами его современников, а в результате создается целостная картина, в которой путь отдельного человека соотнесен с основными силовыми линиями эпохи.

Конечно, особое внимание в книге уделено ключевым событиям жизни Бабеля, наиболее повлиявшим на его личностное становление, формирование творческой индивидуальности. Одним из первых таких событий стал еврейский погром 1905 г. В опоре на публикации николаевских газет, свидетельства современников авторы скрупулезно восстанавливают хронику событий, они исследуют развитие этой темы в текстах Бабеля и его современников. Вслед за А. Лежневым, авторы приходят к выводу о том, что эта детская травма отложила отпечаток на все последующее творчество писателя: «Бабель – не циник. Наоборот. Это человек, уязвленный жестокостью. Он изображает ее так часто потому, что она порази-

ла его на всю жизнь <...> Не болезненное приращение к отвратительным и острым сценам движет Бабелем, а внутренняя израненность человека, увидевшего и перенесшего в жизни слишком много жестокого» (с. 34).

Вторая глава «Начало (1912–1919)» посвящена первым литературным опытам Бабеля и ключевому событию в его писательской судьбе – знакомству с А. М. Горьким. С душевным трепетом вместе с Бабелем читатель переступает порог редакции журнала «Летопись», знакомится с атмосферой, царящей в приемной, присутствует при беседе великого наставника с начинающим автором и слышит напутствие, во многом предвосхитившее его нелегкую судьбу: «Писательский путь, уважаемый пистолет (с ударением на о), усеян гвоздями, преимущественно крупного формата. Ходить по ним придется босыми ногами, крови сойдет довольно, и с каждым годом она будет течь все обильнее... Слабый вы человек – вас купят и продадут, вас затормошат, усыпят, и вы увянете, притворившись деревом в цвету... Честному же человеку, честному литератору и революционеру пройти по этой дорожке – великая честь, на каковые нелегкие действия я вас, сударь, и благословляю» (с. 81).

История публикации первых рассказов и очерков Бабеля, так же, как и анализ других его произведений, преподносятся авторами книги, прежде всего, в контексте основных событий жизни писателя, с точки зрения отражения в них автобиографических мотивов. С другой стороны, само создание этих произведений рассматривается как существенная часть биографии писателя, как факт становления и воплощения его творческой индивидуальности. Подчеркнут драматизм писательской судьбы Бабеля, поскольку с первых же шагов ему суждено было отражать один из самых катастрофичных периодов в истории нашей страны. Не случайно эпиграфом к третьей главе выбрана полная горечи и скрытой боли фраза из набросков к «Конармии»: «Сколько силы нужно иметь – чтобы быть зерцалом в наши дни».

В третьей главе «В Конармии (1920)» авторы подробно останавливаются на участии Бабеля в польском походе Первой конной армии. Обширный исторический очерк с привлечением работ военных историков, архив-

ных документов, воспоминаний участников событий (Тухачевского, Буденного, главнокомандующего польской армии Юзефа Пилсудского и др.), тщательный анализ «биографии войны» в дневниковых записях писателя 1920 г. и отражение этих впечатлений на страницах конармейских рассказов слагают подробнейший комментарий к главной книге Исаака Бабеля. Избранная стратегия позволила всесторонне проанализировать художественную форму «Конармии», «в которой яркий вымысел и фантазия органично сочетаются с фактической точностью и правдой жизни» (с. 166).

Читательский успех «Конармии» закрепил за Бабелем славу одного из наиболее ярких прозаиков, ввел в мир большой литературы. В последующих главах Е. И. Погорельская и С. Х. Левин закономерно обращаются к литературному быту 1920–1930-х гг. Отдельное внимание уделено роли Маяковского в писательской судьбе Бабеля, взаимоотношениям с Воронским, дружбе с Есениным, Эренбургом, позже – связям с русским зарубежьем (А. М. Ремизовым, М. И. Цветаевой, М. А. Осоргиным, Ю. П. Анненковым).

Отдельную сюжетную линию составляет Франция и французский текст в наследии Бабеля. В шестой главе «В дыму и золоте парижского вечера (1927–1928)» авторы предлагают посмотреть на Францию как на «литературную родину» Бабеля, напоминая, что первые рассказы он написал на французском языке и еще в 1916 г. высказывал мысль о «национальном Мопассане», которую «вполне возможно, отводил себе» (с. 263). Внимание к теме Франции обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, с середины 1920-х гг. во Франции жила первая жена писателя, а в 1929 г. там родилась дочь Наталья. Во-вторых, будучи знатоком французского языка и французской литературы, Бабель с успехом занимался литературными переводами – в книге подробно анализируется участие Бабеля в подготовке собрания сочинений Мопассана, где он «выступил сразу в нескольких ипостасях – переводчика, редактора чужих переводов и составителя трехтомника» (с. 234). Наконец, Бабель трижды побывал во Франции. Несколько лет спустя это станет одной из причин его ареста («Французский

след тянется через все сфабрикованное дело», с. 445). Но, что не менее важно, эти поездки оставили заметный след в произведениях писателя. Все это объясняет пристальное внимание авторов книги к французским маршрутам Бабеля. Описывая улочки Парижа и Марселя, по которым ступала его нога, авторы добиваются эффекта присутствия: читатель имеет возможность взглянуть на них глазами самого Бабеля (вот он пишет друзьям из Марселя: «Живу я в отеле на высокой горе... У подножия этой горы – порт, рыбацьи домики и – нечего скрывать – Средиземное море. Я теперь привыкаю к шуму порта, к ходу волны и к отдаленному гулу города», с. 277); отрывки из писем сопровождаются документальными фотографиями с видами тех самых мест (вот лестница, ведущая на улицу де Пешёр, на которой жил Бабель; а вот вид на лодочную бухту и рыбацкие домики); иллюстрации дополняются путевыми заметками авторов книги, которые сами прошли по дорогам своего героя: «Улочка Пешёр в 7-м округе Марселя, где жил Бабель, узкая, похожая скорее на пассаж между двумя глухими стенами, но тем не менее живописная, существует поныне. Дом №46... оказывается первым слева от лестницы в тридцать две ступени, по которой нужно было подняться, чтобы попасть на эту улочку. Когда же Бабель выходил из дома, спускался „с горы“, проходил несколько шагов направо и пересекал набережную, то взору его открывался великолепный вид на море и находящийся всего в миле от города знаменитый замок Иф, где когда-то томился в заточении Эдмон Дантес – благородный граф Монте-Кристо. Как и прежде, сегодня „у подножия горы“ располагаются „порт, рыбацьи домики“» (с. 277–279).

Авторы «Жизнеописания» показывают, как жизненные впечатления преломляются в творчестве Бабеля, блестяще демонстрируя это на примере рассказа «Улица Данте». В книге подробно анализируется рождение замысла и история работы над текстом, а еще предлагается совершить прогулку по улочкам Парижа вслед за героями рассказа. Авторы приходят к выводу, что топография Парижа, представленная в этом рассказе, вполне реалистична и даже реальна, это, по их мнению, дает основание полагать, что финал рассказа

рождает самые непосредственные ассоциации с судьбой автора: «...сопоставление умершего в изгнании, но своей смертью, Данте и не отказавшегося покинуть родину и погибшего там Дантона отражает... проблему жизненного выбора, стоявшего перед самим писателем, – остаться во Франции или вернуться в Россию» (с. 294).

Обозначенная авторами проблема жизненного выбора становится ключевой. С особой очевидностью это предстает в описании событий, последовавших за возвращением Бабеля из-за границы (седьмая глава «Работать надо здесь (1929–1931)»). Жизнь в советской стране менялась: разгорались разгромные кампании, развязанные против писателей... Главным камнем преткновения в судьбе Бабеля стала «Конармия». Если в 1924 г. заступничество Горького и Воронского помогло потушить накал К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного, обвинявших автора в «очернении» героев Гражданской войны, то в 1928-м ситуация изменилась – в ход пошли более изощренные средства. В книге приводится любопытнейший документ – письмо Маяковскому Денисовой-Щаденко с просьбой написать «стихотворение динамического характера» или «конармейскую драму» к десятилетию Первой конной армии. В подробном «либретто» – со Сталиным, Буденным и Ворошиловым в главных ролях – излагался сюжет и даже предлагались рифмы. Автор письма при этом не скрывала истинного назначения соцзаказа – нужно что-то противопоставить Бабелю: «То, что пишет Бабель... – это мелкий эпизод. Видно, что он сидел в тылу, в обозе, – трусливо выглядывая из мешков – барахла, а выглядывая так, он подглядел только зад; подглядел только под юбку революции и Конной Армии... ни решенья задачи, данной пролетариатом армии „ПОБЕДИТЬ“, ни партийного руководства он не увидал – маленький человек...» (с. 314). К чести Маяковского, он не стал писать «драму» о конармейцах. Но немедленно нашелся другой автор – «такую пьесу меньше чем за две недели, в ноябре 1929 года, сочинил Всеволод Вишневский» (с. 315).

В развитии темы нравственного выбора Вс. Вишневский невольно является одним из главных героев «Жизнеописания», вер-

нее, его антигероев. В своих поступках, жизненных принципах, творчестве он выступил полным антиподом Бабелю. И суть здесь не в том, что Вишневский поспешно и послушно выполнил заказ, написав пьесу «Первая конная», а в характере движущей силы, направлявшей его творчество и череду человеческих поступков: это и бравада псевдо-победителя (во время работы над театральной постановкой «начинающий драматург Вишневский, чувствуя поддержку самых верхов, вел себя в театре по-хозяйски и не терпел никаких отговорок и промедлений», с. 315); и попытки самоутвердиться за счет унижения соперника (с тем же горячным пылом Вишневский шлет свою пьесу Горькому, но ему мало узнать оценку художественных достоинств – он ищет поддержки в низвержении противника: «Не то, не то дал Бабель! Многого не увидел. Дал лишь кусочек: Конармия, измученная в боях на польском фронте... Верьте бойцу – не такой была наша Конармия, как показал Бабель» (с. 316), но вместо поддержки получает отповедь Горького: «Могу, однако, сказать, что никакого „ответа“ Бабелю в пьесе Вашей – нет... Бабеля – плохо прочитали и не поняли, вот в чем дело! Такие вещи, как ваша „Первая Конная“ и „Конармия“, нельзя критиковать с высоты коня», с. 317).

Авторы показывают, что история с Вишневским заканчивается также плохо, как и началась. В книге этому посвящен отдельный раздел («Окончание дачной истории»). Спустя две недели после ареста Бабеля на имя Л. П. Берии было направлено письмо от членов правления Союза советских писателей с просьбой решить судьбу дачи Бабеля в Переделкине «для дальнейшего использования ее по прямому назначению». Иными словами, не дожидаясь суда, по горячим следам, кто-то торопится поделить имущество Бабеля. А еще через две недели Правление Литфонда принимает решение: «В случае отказа С.Я. Маршака от предложенной ему <бывшей> дачи Бабеля, предоставить ее т. Вишневскому В.В.». Авторы уточняют: Маршак от этой дачи отказался, а Вишневский занимал ее до 1951 г. (т. е. до самой смерти).

В конце 1980-х гг., когда страну захлестнул поток «возвращенных» имен, многие кумиры советского времени оказались повержены.

Сегодня, спустя несколько десятилетий, эти драматические коллизии зачастую оказываются вне сферы внимания. Е. И. Погорельская и С. Х. Левин вновь возвращают читателя к неприглядному опыту прошлого, заставляя задуматься, к каким трагедиям и какой степени падения может привести сделка с собственной совестью. Конечно, сложно судить о событиях того времени, и авторы книги зачастую аккуратны в оценках, но представленные ими документы и факты говорят сами за себя: слежка, доносы, истерия общих собраний... Осуждалось сочувствие к арестованному, нежелание подписывать расстрельные документы, остракизму подвергались добропорядочность, милосердие, нежелание выступать в роли палачей. Вот красноречивая выдержка из доноса осведомителя, которую приводят авторы книги: «...на фоне „единодушного одобрения приговора Верховного Суда“ выделяется „плохое выступление Олеси; он защищал Пастернака, фактически не подписавшего требование о расстреле контрреволюционных террористов, говоря, что Пастернак является вполне советским человеком, но что подписать приговор своей рукой он не может“» (с. 515).

Восстанавливая полноту событий, Е. И. Погорельская и С. Х. Левин используют все доступные документы, в том числе опубликованные в работах В. С. Христофорова, В. А. Шенталинского, С. Н. Поварцова и др. Материалы следственного дела позволяют реконструировать взгляды Бабеля на происходящие события. Авторы отмечают, что содержание спецсообщений «свидетельствует об информированности Бабеля, проникавшего своим аналитическим умом в тайные дружины показательных процессов» (с. 515).

Разумеется, подобная атмосфера не могла не отразиться на творчестве писателя. Ответом Бабеля стало затянувшееся молчание. Как полагают авторы книги, его «строптивость проявлялась не в вызывающих выступлениях или скандальных публикациях (вроде „Повести непогашенной луны“ Бориса Пильняка), а в молчании. Бабель чувствовал (хотя и иронизировал над этим), что это его „талантливое молчание“ становится красноречивым и может быть расценено как нежелание писать о современности. Вероятно, он надеялся пе-

режить тяжелые времена и... писал „в стол“...» (с. 526).

Е. И. Погорельская и С. Х. Левин размышляют о содержании пропавшего архива Бабеля. Опираясь на сохранившиеся документы, мемуарные свидетельства, а также сведения об анонсированных, но так и неизданных произведениях писателя, они с особым вниманием рассматривают перемещения Бабеля, круг его общения, интересов, с тем, чтобы понять, о чем задумывался писатель в последние годы, какие темы разрабатывал. Особый интерес представляет раздел о сотрудничестве с Эйзенштейном в работе над фильмом «Бежин луг», в котором «нашла выражение всерьез занимавшая Эйзенштейна бабелевская драма: жизнь человека, понятая как история» (с. 460).

В последних главах повествование становится все напряженной. В десятой главе «Не дали закончить (1937–1940)» авторы как будто хотят продлить последние свободные дни Бабеля – становится ценной каждая деталь; незначительные события, будничные заботы, упоминаемые в последних письмах писателя к матери, приобретают какой-то сакральный оттенок... Особенно трогательны фотографии, размещенные в последней главе – снимки сделаны в Горках в мае 1937 г., ровно за 2 года до ареста: Бабель в зарослях цветущих деревьев; и последняя мирная, снятая со спины – на пустынной аллее, с опущенной головой – уходящий в небытие, в Вечность... Следом за ними – фотография из следственного дела, сделанная в день ареста 15 мая 1939 г. Без очков, мятый воротничок рубашки, прямой скорбный взгляд. Но с гордо поднятой головой! Последними словами Бабеля на свободе стали две фразы. Одна – о писательстве: «Не дали закончить...», а вторая – просьба к жене о судьбе дочери: «Я Вас очень прошу, чтобы девочка не была жалкой». Полные достоинства слова сильного несломленного человека.

В «Жизнеописании» Бабеля читатель найдет исчерпывающие сведения о последних месяцах жизни писателя, проведенных в тюрьме; о предъявленном обвинении; о годах томительного ожидания, выпавших на долю семьи; о циничной лжи властей о «благополучной лагерной жизни» арестанта-Бабеля; об истории его реабилитации и возвращении

к читателю. В завершении последней главы справедливо сказано: «Исаак Бабель разделит судьбу великого множества его современников – деятелей искусства, политиков, военачальников, ученых и самых обыкновенных людей. Адская машина сталинского правления сгубила большого писателя и человека...» (с. 544).

Книга Е. И. Погорельской и С. Х. Левина «Исаак Бабель. Жизнеописание» дает пищу и уму, и сердцу. Единство личности и творче-

ства, человека и времени – таков основополагающий принцип, которого последовательно придерживаются авторы исследования. В книге не просто воссозданы основные вехи биографии Бабеля и творческая история его произведений, но и прослежена взаимосвязь перипетий писательской судьбы со сложнейшими историческими и нравственными коллизиями эпохи. Книга, несомненно, будет востребована самым широким кругом читателей.

Литература

Погорельская, Е. И. Исаак Бабель. Жизнеописание / Е. И. Погорельская, С. Х. Левин. – СПб. : Вита Нова, 2020. – 624 с.

References

Pogorelskaya, E. I., Levin, S. Kh. (2020). *Isaak Babel'. Zhizneopisanie* [Isaac Babel. Life description]. Saint Petersburg, Vita Nova. 624 p.

Данные об авторе

Анпилова Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Старый Оскол, Россия).
E-mail: anpilova_ln@mail.ru.

Author's information

Anpilova Larisa Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor (Stary Oskol, Russia).